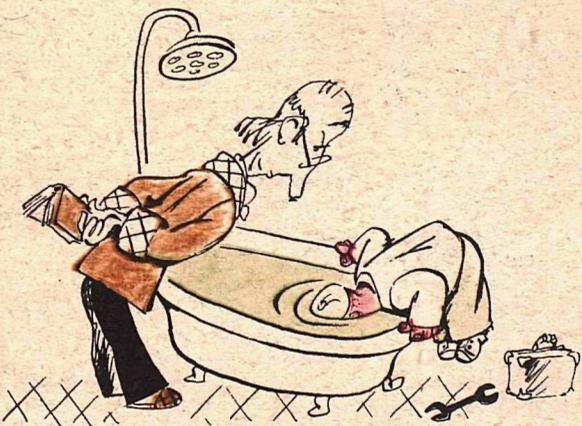

ПОЧТИ ПО ЖЮЛЬ ВЕРНУ

(полуфантастический фильм)

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА.

«У нас в совхозе рабочих заставляют записываться в хор. Кто отказывается, тех лишают тринадцатой зарплаты...»

И. К., совхоз «Венцы-Заря», Краснодарский край.

«Администрация нашего СПТУ-5 принуждает всех поголовно вступать во Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов. Тех, кто отказывается платить вступительные взносы, обвиняют в низкой сознательности...»

Ю. Виноградов, пос. Борисоглебский, Ярославской области.

ВТОРИЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Хочется любить руководство. Хочется радовать его. Хочется быть четким, дисциплинированным, оперативным. Хочется взять телефонную трубку и молодежавым голосом отчеканить: так, мол, и так, ваше указание выполнено.

Хорошо бы, конечно, рапортовать о сданных домах, высоких урожаях и внедрении новой техники. Но дело это, как известно, хлопотное. На строительный объект ножкой не топнешь, урожай лишением тринадцатой зарплаты не запугаешь, а новая техника и вовсе строптивая.

Но рапортовать-то хочется. Хочется щелкнуть каблуками и выпатить грудь колесом. Хочется ходить в передовиках.

И тогда в ход идут так называемые вторичные показатели. Вроде охвата сотрудников художественной самодеятельностью или процента вступления в клуб собаководства. Здесь показатели поудобнее. Они, если можно так выразиться, легче корректируются. И ими соответственно легче козырнуть.

Идешь по своему хозяйству с приезжим важным человеком. И говоришь как бы невзначай:

— А у нас, между прочим, хор создан. Все поют. И представляете, все до одного записались в общество изобретателей и рационализаторов. Прямо прохода не дают: давайте, говорят, записывайте, нам без общества никак невозможно.

— А если человек ничего не рационализирует и не изобретает? Старушка, скажем, какая-нибудь?

— У нас все рационализируют и изобретают. В хоре поупражняются — и изобретать! Так это еще что! В общество друзей зеленых насаждений прямо с рождения записываются. Первое слово не «мама» говорят, а «вступительный взнос»...

Я, конечно, тоже увлекся. Но суть явления от этого, увы, не меняется, чему свидетельством письма читателей. И чтобы не предаваться одной лишь критике, выступим с конструктивными предложениями. Пусть те, кому хочется пустить пыль в глаза хорами и поголовными охватами членствами в разных обществах, подадут пример сами. Пусть руководство совхоза «Венцы-Заря» само начнет петь. Во главе с директором. И пусть замы составят группу басов. А управляющие отделениями — группу теноров. И пусть главный бухгалтер аккомпанирует на чем умеет. Хотя бы на арифмометре. И пусть они поют до тех пор, пока растроганные рабочие не начнут роптать:

— Гляди, руководство как красиво поет! Даже завидно! И мы тоже хотим! Хотим хор!

Вот это был бы хор, это была бы самодеятельность! А при помощи тринадцатой зарплаты самодеятельность организовать нетрудно, особенно на бумаге. Тут не то чтобы в хор, всех пенсионеров в цирковой ансамбль записать можно.

Нет, я вовсе не против развития самодеятельности. Я обеими руками голосую за хоры и за кружки кройки и шитья. Я отношусь с величайшим уважением к различным обществам и союзам, в том числе и к обществу рационализаторов и изобретателей. Я только против того, чтобы участие в них опошлялось ретивыми администраторами, стремящимися щегольнуть процентом охвата. Я вообще против того, чтобы людей охватывали против их воли. Особенно в тех случаях, когда речь идет о таких прекрасных вещах, как самодеятельность...

Равенсон

ПЯТИЛЕТКА
СТАВИТ
ВОПРОС

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

ПАЛЬЦЕМ В

Дурость это и больше ничего — прикидывать, взвешивать и вообще кумекать.

Куда проще закрыть глаза да и ткнуть пальцем в географическую карту:

— Тут!

Проще-то оно проще, только последствия определения таким методом координат будущего объекта могут оказаться комическими. Или печальными. Как взглянуть.

Детская здравница может вдруг разместиться в центре гнилого Сиваша. Алмазные копи — в Бакровке под Москвой. А в каких-нибудь Рынь-песках вы станете шукать лежбище морских котиков.

Примеры эти, ясное дело, — шалость. И нужны они лишь для огранки авторской мысли.

Ну, а если без шалостей, серьезно? Не случилось ли нам недоумевать: отчего это предприятие «болеет» с первых дней своего существования? И план-то у него не вытанцовывается. И качество-то оставляет желать. И текучесть кадров пугающая. И дисциплина-то хромает...

Недоумеваем, изучаем, анализируем. И вдруг прозрение. «Болезнь», оказывается, была запрограммирована, была предопределена не вполне обдуманном адресом предприятия. Сырье далеко. Дороги плохи. Климат не тот. Рабочих рук мало.

Стоп! Сегодня о последнем.

Примерно на полпути из Ярославля в Рыбинск на берегу реки Волги стоит городок Тутаев. Еще совсем недавно возле него был только скромный цех запчастей, теперь раскинулись огромные корпуса Тутаевского завода дизельных агрегатов, входящего в состав мощнейшего объединения «Автодизель». В перспективе выпуск не только агрегатов, но и самых совершенных двигателей.

Понятно, что такому растущему и расправляющему плечи предприятию нужны люди. Много людей. Квалифи-

цированных рабочих. Знающих инженеров. Талантливых руководителей. Уже и сегодня их здесь трудится немало, а к концу пятилетки должно быть почти втрое больше. Так где же этих специалистов взять?

Жители окрестных сел искони сеяли лен, сажали лук, разводили знаменитых романовских шубных овец. Городок-то и назывался раньше Романов-Борисоглебск. И ничего в нем вроде бы не было, кроме льноткацкой фабрики, лесопилки да бондарного заводика. Ну, плюнул огородник на лук, встал к токарному станку. Ну, обучился бондарь на литейщика. Ну, забыл овчар про овец и стал сборщиком. Стоит ли вся эта овчинка выделки?

Только мы не к тому, чтобы вы тотчас начали многозначительно поджигать губки:

— Теперь ясно, почему не достать дубленку и бывают перебои с луком!

Не стоит и театрально восклицать, нервно ломая пальцы:

— Ах, где вы, несравненные произведения бондарного искусства — узкие бочки из светлой мемельской клепки, в которые стоймя ставилась нежнейшая либавская сельдь?! Где вы, дубовые ушаты, из которых тягли жирный волжский залом?!

Вопрошая о целесообразности возни с овчиной, мы имели в виду обострить ваше внимание только на одном: могло ли небольшое количество неквалифицированных людей решить вопрос кадров на Тутаевском заводе дизельных агрегатов?

Отвечаем: нет!

И дирекции остается только приглашать рабочих, инженеров и техников из других городов. Но ведь в других городах все эти люди проживали не в шалашах, ходили в кино, отдавали своих детишек в сады и ясли, пользовались химчистками и делали покупки в магазинах самообслуживания. Значит, и в Тутаеве всем им нужны сходные условия. А условий-то пока нет.

«Осуществлять планирование и строительство предприятий комплексно с жилыми домами, дошкольными учреждениями, объектами культурно-бытового назначения, здравоохранения, просвещения, торговли и коммунального хозяйства».
(Из материалов XXV съезда КПСС).

НЕБО

Вот и приходится администрации завода ежедневно привозить на работу людей из Ярославля и Рыбинска.

Но подумайте, какая отдача может быть от человека, если ему приходится вставать в четыре утра и в мороз и в жару ехать полсотни верст в тряском автобусе или в кузове грузовика? Да он, едва переступив порог цеха, сразу думает, как бы выспаться и где бы перекусить. Ни об эффективности, ни о качестве он думать не может. Диктора из радиопередачи «В рабочий полдень» он почитает насмешником, а его «сенсационные» сообщения о том, что перекраска тумбочек в желтый цвет увеличивает производительность, вызывает у него заметное раздражение.

Удивит ли вас теперь, что в прошлом году на завод было принято 1400 человек, а уволено 940?

Ну, а после этого поразитесь ли вы, что в прошлом году завод не выполнил плана?

Сложившееся положение серьезно и глубоко тревожит Ярославский обком КПСС, объединение «Автодизель». Поэтому не случайно во главе созданного партийно-хозяйственного штаба, который призван контролировать все промышленное и гражданское строительство, руководить им, стоят секретарь обкома КПСС тов. Попов, заведующий промышленным отделом тов. Шарков, генеральный директор «Автодизеля» тов. Добрынин.

Конечно, такой авторитетный и сильный штаб может сделать очень много. Два раза в месяц он собирается прямо на Тутаевском заводе и рассматривает конкретную ситуацию, решает все неотложные вопросы. Польза от его деятельности безусловна.

Однако же штаб и не всесилен. Все, чем может он распоряжаться, — это трест «Тутаевпромстрой», который, к сожалению, слаб и маломощен, который просто не в состоянии справиться с навалившимися на него задачами. Необходима срочная и решительная помощь Минстроя.

Вот ведь как интересно получилось. Запланировали хороший и очень нужный завод. Построили его. Стали получать продукцию. И сейчас же предприятие «заболело». Сейчас же пондобились чрезвычайные меры, сейчас же чуть ли не SOS кричим.

А чего проще было — побольше подумать, побольше взвесить все «за» и «против» да и отгрохать его в самом Ярославле, под боком у головного предприятия — Ярославского моторного завода. Разница всего-то в сорок километров, а сколько сложностей отпало бы! Так нет же, в солидной планирующей организации, фигурально говоря, закрыли глаза и ткнули пальцем в карту:

— Тут!

А тут-то Тутаев.

Ярославская обл.

ПРИСПОСОБИЛИСЬ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

— Будешь капризничать, родители заберут!

Рисунок В. ЖАРИНОВА.

РЕКЛАМНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Крокодил выражает глубокое соболезнование группе рыболов-любителей из пятнадцати человек (г. Свердловск), которые неосмотрительно приобрели термосы Бучанского стекольного завода, что в Киевской области, наполнили их горячим чаем и отправились на рыбалку. У всех до одного термосов лопнули колбы, и рыболовы остались без чая.

Вы хотите приобрести обувь, которую не пришлось бы ремонтировать. Покупайте туфли Ереванской обувной фабрики № 1, советует покупатель Ю. Волков из города Нальчика. Никаких хлопот с ремонтом! Через неделю у ботинок автоматически отваливается каблук, вслед за ним подошва. Вы отправляете туфли на фабрику — и вам присылают новые. Каждую неделю у вас новая обувь!

Давно существуют электронные и другие наручные часы, которые удобны тем, что не надо тратить время на их подзаводку. Хорошим дополнением к таким часам служит браслет Одесского опытно-экспериментального завода металлоизделий. Минимум времени для того, чтобы снять его с руки! Легкий взмах рукой, замок сам открывается — и браслет вместе с часами слетает с руки!

«А ну-ка, женщины!»

Так называется оригинальный эксперимент, в котором по инициативе торговых организаций Ростова-на-Дону участвуют практически все жительницы города.

Цель эксперимента — найти способы сушки белья без использования бельевых прищепок.

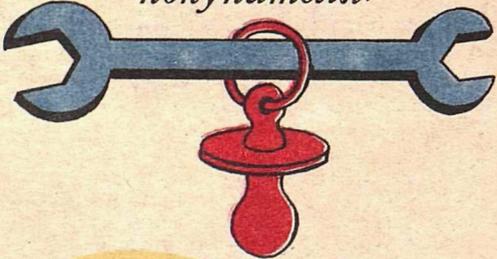
В связи с проведением эксперимента в продажу не поступает ни одной бельевой прищепки.

Брось курить!

Беспощадную борьбу с курением объявил Бакинский табачный комбинат. Недосчитавшись в каждой пачке «Авроры» трех-четырех сигарет, курящие сразу же почувствуют заботу о его здоровье.

Советы покупателя.

Если вы приобрели подогреватель детского питания орловского производственного объединения «Промприбор», который в лучшем случае кипит, в худшем — вообще не греет, не спешите отправлять его на завод-изготовитель, потому что ответа вы не получите очень долго. Во всяком случае, за это время ваш ребенок вырастет и отремонтирует подогреватель сам.

Пострадавшая В. Налетова, г. Рязань.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Если ваше предприятие пользуется из Слуцка новыми краны и в них не хватает каких-то деталей, вы найдете в ящике записки с извинениями и обещанием доставить детали позже. Записки, написанные теплым и деликатным языком, наверняка доставят несколько приятных минут любому кранщику. Заказывайте электрокраны на Слуцком ремонтном заводе!

ВНИМАНИЮ скульпторов-миниатюристов!

Качественная глина в легкой, надежной упаковке незаменима при лепке с натуры. Оригинальность конструкции футляра, который не закрывается, пока материал не использован полностью, стимулирует творческий процесс. Производство этой новинки под названием «Губная помада» налажено Московской фабрикой ВТО.

Если вы полнеете и врачи советуют вам больше двигаться,

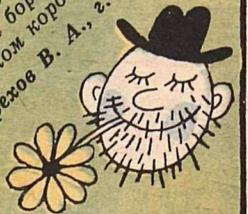
Палас имеет ремень запаха и вы будете ежесекундно выкашивать его на улицу!

К У П И Т Е П А Л А С
Витебского коврового комбината имени 50-летия БССР.

Супруги Правниченко,
Херсонская область.

ПРОДАМ

дачную, огороднику и др. для стружки газонов электро-бритвею «Нева-201» (Ленинградский завод имени Калинина), так как обыкновенная щетина, покрывающая щечи и бороду, для нее слишком коротка.
Орехов В. А., г. Муром.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ПРОДОЛЖАЕТ ОСТАВАТЬСЯ ИСТОЧНИКОМ ГЛАВНОЙ УГРОЗЫ ДЛЯ МИРА И УСТОЙЧИВОСТИ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ».

ИЗ ДЕКЛАРАЦИИ 38 СЕНАТОРОВ-РЕСПУБЛИКАНЦЕВ АМЕРИКАНСКОГО КОНГРЕССА.

Когда мистер Симпл, сидя за завтраком и утренней газетой, продекламировал эту фразу, из кухни донеслось паническое «Ай!», сопровождаемое прощальным звоном разбитого фарфора.

Разумеется, ему не следовало читать подобные ужасы ни про себя, ни тем более вслух: наделенные от природы отменным простодушием, оба супруга безоглядно верили всему, что напечатано в газетах.

— Ой! — вновь послышалось из кухни, на сей раз под аккомпанемент кастрюльного грохота, и взволнованная супруга влетела в столовую подобно крылатой ракете. — Ради бога, читай же скорее, Майкл, какие там еще новости о красной угрозе!

— Дальше... дальше еще стр... страшнее, — клацая зубами, прошептал бледный мистер Симпл. — «...Русские продолжают идти по пути агрессии в Южной и Центральной Африке».

— Кошмар! — содрогнулась миссис Симпл, однако сумела взять себя в руки. — Но, Майкл, ведь Африка, кажется, довольно далеко от нас...

— Далеко! — откликнулся мистер Симпл, уронив газету и поднимая ее трясущейся рукой. — Да разве в этом дело, Сюзии! Тут же ясно сказано... вот... что русские могут «чинить препятствия перевозкам нефти в США и Западную Европу по жизненно важным линиям морских коммуникаций, связывающим наши страны с Ближним Востоком». Черным по белому...

— Они хотят оставить нас без топлива и заморозить! — взвизгнула Сюзии.

— Ты забываешь о нашем «шевроле», — всхлипнул Майкл. — Они добиваются того, чтобы я больше никогда, никогда не сел за руль!

Оба супруга упали в обморок. Когда через некоторое время они синхронно очнулись, мистер Симпл снова взялся за газету.

Подстрекатели

— «...Москва все более смело пускается в политические и военные авантюры», — дрожащим голосом читал он декларацию. — «...Советский Союз повсюду на земном шаре бросает нам надменный вызов».

— Что же теперь делать, боже милостивый, что нам делать! — заголосила супруга. — Или попытаться сопротивляться, или уж сразу сдаваться на милость победителя... А как считают сенаторы!

— Они на грани отчаяния, — пролепетал мистер Симпл. — Положение почти безнадежное. «...Нашим союзникам по НАТО противостоит организация Варшавского Договора, настроенная на наступательный лад... Западная Европа глубоко обеспокоена продолжающимся наращиванием советского могущества...»

— Какой ужас! — закатила глаза Сюзии и рухнула прямо на обеденный стол; он опрокинулся, и скатерть вместе с осколками посу-

ды погребла под собой парализованную отчаянием хозяйку дома. Что касается мистера Симпла, не менее супруги потрясенного драматической судьбой Западной Европы, то он все же кое-как удержался на стуле.

— Но, Майкл, — послышался из-под скатерти слабый голос Сюзии, — Европа — это еще не Америка, не так ли!

— Да, это еще не Америка, — пробормотал Майкл, смятенно уставясь в газету, и его нижняя челюсть отвисла. — Но это уже не имеет значения, моя дорогая... Самое страшное уже предрешиено...

— Ради всего святого не скрывай от меня ничего! Что бы ни случилось...

— Мужайся, Сюзии. Сенаторы заявляют, что их глубоко беспокоит «рост советской военной угрозы Соединенным Штатам»... Ох!

И под невыносимым грузом страха мистер Симпл сполз со стула...

* * *

— Что за вздор! — скажете вы. — Да сегодня таких, мягко говоря, простаков и днем с фонарем не сыщешь.

Правильно.

А вот сенаторы, сочинявшие свою декларацию, именно на таких мистеров и миссис Симпл и рассчитывали. На миллионы симплов, готовых доверчиво и покорно проглотить их провокационное варево. Они апеллировали к симплам, обвиняя Советский Союз в «агрессивности», требуя дополнительных миллиардов на новые виды вооружений, подстрекая к «жесткому курсу» в американо-советских отношениях. Они обращались к симплам времен «холодной войны».

Сенаторы допустили грубую промашку. Таких симплов давно нет. Еще в 1967 году американский профессор Дж. К. Гэлбрейт писал, что «теперь никто в советскую военную угрозу больше не верит. Пентагон потерял своего лучшего союзника в Европе — страх».

И, конечно, не только в Европе.

А. ВИХРЕВ

Крокодил помог

«РЕКОРДНЫЙ РЕЙС НЕ В ТУ СТОРОНУ»

[«Крокодил» № 7]

Работники Воркутинского горотдела милиции задержали вездеход, в котором оказались пушнина, крупные осетры, а также несколько тонн сига и пеляди. Сидевший за рулем списанного, как потом выяснилось, вездехода старший механик каротажной партии Воркутинской комплексной

геофизической экспедиции И. Полторацкий транспортировал рыбу и меха, добытые незаконными путями. Возбужденное против расхитителей уголовное дело вскоре было прекращено.

На этот фельетон В. Канаева откликнулись секретарь Воркутинского горкома КПСС тов. Н. Шаламанов, министр внутренних дел Коми АССР тов. В. Юсаков и заместитель прокурора Коми АССР тов. Г. Рукавишников.

Постановление о прекращении уголовного дела в отношении И. Пол-

торацкого и других отменено как незаконное. Дело направлено на дополнительное расследование. За неудовлетворительный контроль за расследованием дела начальнику следственного отделения Воркутинского отдела внутренних дел тов. Г. Величко объявлен выговор. Начальник отдела тов. В. Садовой строго предупрежден. За неосуществление прокурорского надзора по данному делу заместителю прокурора гор. Воркуты тов. А. Моисееву объявлен выговор.

Директор Новопортовского рыбоза-

вода, на котором была незаконно отпущена рыба, В. Конопкин отстранен от занимаемой должности. Против него возбуждено уголовное дело.

За бесконтрольность в использовании вездеходной техники начальнику геофизической экспедиции тов. Климову, начальнику каротажной партии тов. Неволину объявлены дисциплинарные взыскания. Вездеход поставлен на баланс Полярно-Уральского геологоразведочного объединения.

Пушнина и рыба, конфискованные милицией, переданы в потребкооперацию для продажи населению.

Алексей МАЛИН

На «Червячка»

Завод построил домик у реки. От рыболовства на заводе далеки, Но третий год стоит рыбацкий домик, Довольно симпатичный домик-гномик. Обставлен хорошо, есть все удобства в нем И ящик с многозвездным коньяком. Попав на чей-то острый язычок, Стал домик называться «Червячок». Он предназначен для больших гостей — Для нужных и влиятельных людей. В гостиницах те гости не живут: Их в «Червячок» немедленно везут. Покой, комфорт, природа не плоха, В удобный день — рыбака и уха. У гостя разыгрался аппетит, Насытился — уже добрей глядит.

Пусть он и контролер и ревизор — Но все-таки чуть-чуть смягчает взор. Хозяев тешит этот поворот. Хозяева кумекают: «Клюет!»

г. Симферополь.

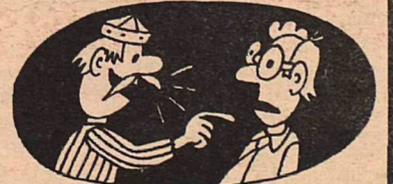
Самиг АБДУКАХХАР

ДОСТОВЕРНЫЙ ИСТОЧНИК

Встретились как-то двое друзей. Надо ж! Не виделись множество дней. Поговорили о том и о сем, Вспомнили школу, работу и дом.

Молвил один: — Я слышал, дружок, С новой работой ты сладить не смог. Уволили, значит, тебя, говорят. Несправедливо, наверно, брат! — Вот чудеса! — покачал головой И усмехнулся приятель второй. — Откуда ты слышал подобную весть! — Об этом базар говорит уже весь! — А где я работаю, можешь сказать! — Это еще не успел я узнать... — Просьба к тебе: на базар поспеши, Узнай, где работаю я, и скажи.

Перевел с узбекского Николай КРАСИЛЬНИКОВ.

Лед и пламень

Гражданке Ф. можно было похорошему позавидовать: выдала дочерей замуж, получила на заводе путевку и в расцвете своих пятидесяти лет уехала отдыхать в Геленджик.

Полсрока она жила спокойно. Загорала, прохлаждалась в лазурных струях Черного моря и блаженствовала, как и полагается на курорте.

Но полностью отрешиться от забот о доме она не смогла. И это понятно: в далеком Кунгуре Пермской области, где она проживала, у нее остались старенькая мама и сын в «опасном возрасте» шестнадцати лет.

«Как-то они там?» — покалывало ее сердце тревожная мысль. И она побежала и отбила своим родным телеграмму. Да не простую, а срочную, поскольку уж очень беспокоилась.

И с этого момента начинается захватывающий телеграфный детектив.

В ответ на свою телеграмму гр-ка Ф. получает ИЗВЕЩЕНИЕ. И извещенице это ни больше, ни меньше гласит: «Ваш дом сгорел».

Дотла ли сгорел дом, и как там сын и старенькая мама? И бедняга Ф. шлет, на сей раз на адрес зятя, телеграмму. Да не простую, а срочную, поскольку для нее это вопрос жизни и смерти.

Зять безмолвствует.

Душераздирающая сцена, метания за билетом на самолет, траур и сопереживания всего дома отдыха.

И вот ни жива ни мертва прибывает наша Ф. в родной Кунгур и бежит, спотыкаясь, к родному пепелищу. И видит: нет никакого пепелища, а есть дом, целый и невредимый. А на пороге сын и улыбающаяся старенькая мама.

На почте до сих пор удивляются: с чего бы это у гражданки Ф. нервное потрясение? И почему она обижается на почтальона?

Цитируем объяснения почтовых работников.

ПОЧТАЛЬОН: Мы подъехали на машине вечером, дом не нашли, спросили соседей, они сказали, что дом сгорел, мы так и отписали.

ГР-КА Ф. (со слезами): А телеграмму зятю почему не доставили?!

ПОЧТАЛЬОН (с ледяным спокойствием): Телеграмму я отдала соседке, а соседка куда-то заткнула.

Потом почтальон так выговаривала гражданке Ф.: «И чем вы, собственно, недовольны? Что, если бы ваш дом действительно сгорел, было б лучше?»

Т. ШАБАШОВА.

Байрам САЛИМОВ

Дело-табак

Кунак поправлял свой дувал.
Его я в сторонку позвал
И шепотом стал говорить:
«Дай в долг мне, сосед, закурить».
Кунак головою кивнул,
Увел далеко за аул
И тихо ответил мне так:
«Я дома оставил табак».

Перевел с лезгинского Н. КНЯЗЕВ.

НАШЛИ ЩЕЛЬ

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ МЮНХАУЗЕНА

— Эта половина пусть
в колхозном стаде покормится,
а заднюю я сам дома подую!

Рисунок И. СЫЧЕВА

ТРИ РАССКАЗА

Юрий ЗОЛОТАРЕВ

СПРАВИМСЯ

БЕЗ НИХ

Элегантный, подтянутый Борис Максимович взглянул на часы и, аккуратно застегнув пиджак на все пуговицы, поднялся с места:

— Все в сборе? Тогда давайте начнем совещание.— Он обвел утомленным, но твердым взглядом собравшихся в его кабинете и продолжал, еще раз посмотрев на часы:— Собственно, рабочий день уже кончился, а мы неизвестно сколько про заседаем... Я думаю, нашу подставшую Веру Михайловну можно и отпустить. Не так ли?

— Так, так!— громко и слаженно откликнулись участники совещания, а один товарищ проникновенно добавил: «Это будет очень правильно!»

Борис Максимович поправил тщательно вывязанный галстук, еще внимательнее оглядел присутствующих и, мягко улыбаясь, сказал:

— Да и вы, Анна Николаевна, небось, торопитесь к своим ребятишкам. Ступайте, ступайте, отпускаем вас, верно ведь?

— Верно!— грянули все, а один товарищ заявил с глубоким чувством: «Это будет очень гуманно!»

— Прекрасно!— воскликнул Борис Михайлович и приветливо произнес:

— А вы-то что маетесь, Нина Григорьевна? С утра еще, помню, на головную боль жаловались... Мы уж тут без вас справимся, идите и отдыхайте. Нет возражений, товарищи?

И опять все дружно поддержали Бориса Максимовича, а один даже сказал: «Ах, как это правильно, гуманно и по-человечески!»

Как только и за Ниной Григорьевной закрылась дверь, Борис Максимович сразу помрачнел, насупился, снял пиджак и, засучив рукава, гаркнул:

— Вы что же, сукины дети, с планом меня подводите? Да я вас так, и растак, и разтак...

Вл. ПРОХОРОВ

КОМУ НУЖЕН СКАНДАЛ?

Телефонный монолог.

«Лучший способ защиты — врежь противнику промеж глаз! Будь здоров, оборона!»
Из правил дворовой команды дзюдоистов.

Я, Леночка, решила тебя пожурить за пассивность. Нет, нет, именно за пассивность! Мне твой Юрик прошлый раз все рассказал. Вот ты и объясни: почему не хочешь воевать за свое продвижение?

Не спорь, Леночка, пожалуйста, не спорь!.. Просто инженер — один смысл, а старший — это уже совсем другое. И дело здесь не в двадцатке. Подумаешь, прибавка! Разве счастье в деньгах? Хотя и они не мешают, а укрепляют семейные отношения... Поверь мне, не один год в браке состою. Да, да, дело прежде всего в престиже!

Как это ерунда? Никакая не ерунда. Всех повышают, все растут, а моя дочь, словно обсевок... Об-се-вок. Так называют растения, что вырастают вдоль дороги из случайно оброненных семян. Что?.. Что значит у тебя нет данных? Куда они делись? Кто это тебе мог сказать? Нет, погоди, погоди! Кто может в наше время твердо сказать: у вас нет данных для повышения по службе?

Пожалуйста, не спорь: для руководителя подобное заявление — похлестке саморазоблачения. Ты пришла в НИИ не с улицы, а из советского вуза. Да, да, дипломированный инженер. Ты разве в профессиональном росте остановилась? Почему? Ах, ты просто мало развивалась! Так кто же виноват в том, что молодые специалисты в вашем НИИ не развиваются, не совершенствуются? Видно, в НИИ для этого нет соответствующих условий! Запущена кадровая работа, нет обстановки для проявления инициативы рядовых инженеров, для их творческой активности!

Вот я и спрашиваю снова: кто же в этом виноват? Ответ один: руководители...

Да не я говорю! Это любая комиссия, любая проверка скажет. Да, да, скажет и покажет!

Ты прикинь своим умом и по поводу другого. Ну, скажи, у тебя есть данные для исполнения обязанностей рядового инженера? А почему этих же данных не хватает для обязанностей старшего инженера? На каких весах можно взвесить эту разницу? На электронных, что ли?

Брось, Леночка, никакая общественность здесь ни при чем! Продвижение любого работника по служебной лестнице всегда зависит от его активности... Всякой, всякой! В том числе и от самоутверждения в глазах начальства. Нет, это не мелочь. Надо не только самой побаваться начальства, но и его неплохо в напряжении держать. Недаром говорят: раз боится, значит уважает.

Как это — как? А очень просто: осторожно, но на совещаниях покрывай. В меру, конечно, и с точным выбором места, формы, возможной реакции. Когда представится случай с глазу на глаз говорить, сокрушайся по поводу упущений в работе. Не твоей, конечно, а коллектива. Можно даже на весь НИИ распространить огорченную критику. Не помешает. Начальство поймет, что ты видишь его промахи, можешь оценивать его работу. Значит, знаешь себе цену, не боишься якобы возможных осложнений.

Ну, Елена, не глупи! Скажите, какая благородная! Что сделала бы я? Да очень просто. Написала бы письмо в главк. Да, да, заявление, а правильнее — жалобу. И ничего в этом особенного нет. Миллионы людей пишут... Когда у них есть основания? А у тебя... Шестой год не дают ставки старшего инженера — по-твоему, это не основание? Жестоко ошибаешься! Чем спорить, ты лучше выслушай до конца. Да, да, опытом, своим опытом делюсь... Напиши

заявление, но не посылай его, а покажи своему непосредственному шефу. Так, мол, и так. Если я не права, дескать, главк поправит. Ему виднее...

Чего-чего? Да ничего ты не смыслишь в этих делах! Ни грамма просто! Ты знаешь, чего больше всего боится любое начальство? Скажу тебе: скандала. Навверху узнают о малом промахе, вроде бы о пустяке. Но от письма-то снизу не отмахнешься! Его надо закрывать. Ну написать на нем, какие меры приняты...

Вот-вот! А по пустяку какие же меры примешь? Выходит, что надо послать комиссию, устроить проверочку. Важно показать, что не только отреагировали на жалобу, но и усилили контроль за деятельностью подведомственных и подчиненных.

Ну, скажи, а зачем этот контроль подчиненным? Ведь комиссия должна, просто обязана что-то обнаружить! Иначе какая же она комиссия? И вот началось: обнаружен один, другой, третий недочет. А потом, глядишь, увидели проверяющие упущения и даже ошибку. Зачем это все твоему начальству?

Нет, никто, если он благоразумный, до скандала дело не доведет! Твои шефы постараются уладить все шероховатости на месте, без вмешательства главка. У них нет охоты и под ревизию общественных органов попасть. Зачем? Ведь недочеты, промахи, ошибки и впрямь имеются! У кого их нет? То-то и оно!

Пострадай, Леночка, своих руководителей проектом письма в главк. Не повредит. Не помешает, верно тебе говорю! Из собственного опыта знаю. Ну кому нужен скандал? Какому руководителю?

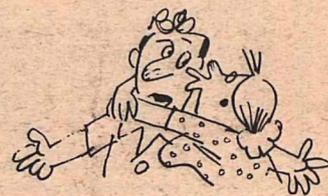
Алло! Алло! Какому руководителю, говорю! Алло! Алло! Леночка! Куда пропала? Слышишь?

Гудки... Ох, эти пригородные автоматы! Самого главного сказать не дадут! Самого главного! Так и не узнала: платье в ателье она получила? Или все еще не готово? Книгу жалоб надо требовать: сразу по-другому заговорят! И здесь та же закономерность: кому нужен скандал?

Г. ДОЛОТКАЗИН

СТЕПАН

И СТЕПАНИДА

По-другому Степан не мог.

Если Степанида решила его бросить, то ничего не оставалось, как умереть. И, конечно, как Ромео...

Где же взять яду?

Обратился к знакомому аптекарю. Тот, узнав, для какой цели яд нужен, дал Степану слабого снотворного.

Степан пришел домой и бросил задумчивый взгляд на жену. «Прощай, Степанида!» — мысленно сказал он, решительно отвинтил крышку, привычно выдохнул и бросил в рот две таблетки...

Проглотив, он прислушался к организму: никаких существенных изменений не произошло.

«Ясно, без знака качества», — догадался Степан.

Он снова выдохнул и бросил еще две таблетки. Вновь прислушался, и вдруг ему показалось, что в организме что-то дрогнуло.

«Вот теперь пора!» — подумал Степан и крикнул:

— Степанида!

— Чего тебе? — отозвалась с кухни супруга.

— Степанида, подойди ко мне!

— Надо будет, сам подойдешь.

— Стеша, — сказал Степан, подойдя к супруге, — дай я тебя поцелую.

— Еще чего?!

— Стеша, я прошу, разреши.

— Да ты что, рехнулся? Ты и в медовый-то месяц меня всего один раз поцеловал.

— Степанида, прости, но теперь мне необходимо тебя поцеловать!

— Не выдумывай! Я уже отвыкла от этих глупостей!

— Стеша, иди ко мне, а то будет поздно!

— Ничего, не умрешь.

— То-то и оно, что умру! — Степан чувствовал, как смерть потихонечку подкрадывается к нему. — Ну иди же!

— Да отстань ты! — оттолкнула мужа Степанида и с какой-то новой интонацией добавила: — Жбндун несчастный!

Степан чувствовал, что уже проваливается в преисподнюю. Собрав остатки сил, он обнял жену, прижал к себе и со страстными словами: «Моя Джульетта!» — поцеловал ее. Поцеловал и, опустив резко руки, приготовился кануть в вечность...

Примерно через полчаса Степану вдруг показалось, что поцелуй все еще продолжается, а цепкие руки Степаниды все еще держат его на земле.

— Ну пусти! — вырвав губы, сказал сквозь смерть Степан, но Степанида еще теснее прижала его к себе.

— Ну хватит тебе! — стал тщетно вырываться Степан.

— Милый! — томно сказала Степанида, надежно зажав его в стальных объятиях.

— Да пусти ты! Дай хоть умереть спокойно!

— Я хочу умереть вместе с тобой, дорогой!

— Это теперь само собой...

— Милый! Почему ты не был таким раньше?! — восторженно молвила Степанида и прижала его с такой силой, что Степан вдруг с ужасом почувствовал, как смерть стала отступать.

— Пусти, Джуль... Тьфу! Пусти, Стешка, слышь?!

— Нет, милый, и не проси. Теперь я тебя никогда от себя не отпущу! Поцелуй меня еще раз!

— Да ты что! — испугался Степан.

— Я прошу! Теперь я от тебя никуда не уйду! — обезумев от счастья, сказала Степанида и, обняв мужа до хруста в ребрах, поцеловала. Да так страстно, что смерть отступила от Степана окончательно.

— Да пусти ты, дура!!! — заорал Степан. — Ты мне все мероприятие загубила!

— Ах вот оно что?! — оскорбилась Степанида и влипла Степану такую затрепину, что тот сразу умер.

— Добро пожаловать! — говорит сегодня Крокодил очередному гостю из братской республики. Как все предыдущие, он и весел и остроумен, но до чего же колюч! Наверно, потому и зовут его «Хорпуштак», а короче — Еж. Имя известное! Что касается других данных, они лучше всего известны самому Хорпуштаку: — Данные у меня вполне юбилейные. Если верно, что мужчина достигает зрелости в двадцать пять лет, то я уже вдвойне созрел: в позапрошлом году мне пятьдесят стукнуло. У нас в Таджикистане говорят: каждое блюдо плова, которым угостили джигита люди, увеличивает его долг перед ними. Мои читатели, рабкоры и селькоры потчуют меня не пловом, а фактами очковтирательства, тунейдства, подхалимажа, консерватизма, феодального отношения к женщине и т. д. Другой бы на подобное угощение и смотреть не захотел, а я — что поделаешь, специфика такая! — питаюсь. Скажут, горькое у меня меню. Зато самим очковтирателям, тунейдцам, подхалимам, консерваторам и прочим нехорошим людям из-за моего повышенного аппетита жизнь несладкая. А долг кормильцам-читателям я выплачиваю в твердой валюте: в виде фельетонов, стихов, рассказов, рисунков. А каковы они — судите сами по той подборке, которую я, как гость, привез Крокодилу вместо торта и бутылки шампанского.

ХОРПУШТАК

Бурхон ГАНИ

ЭСПЕРАНТО

Над городом сиял полдень. Единственное облачко мыкалось по небу в тщетных попытках заслонить собой солнце.

С аэродрома я помчался в гостиницу. В вестибюле три служительницы преградительно бросились мне навстречу, уже издали открыв рты не иначе как для криков: «Мест нет!»

Но, подлетев ко мне, они не стали меня выдворять, а даже, наоборот, затрещали наперебой:

— Номера «люкс» на выбор!

— Позвольте принять ваш багаж, дорога вас утомила!

А подоспевший мужчина в белом загреб, как брассист, руками, раздвинул трех дам и сказал мне:

— Брею, пудрю, сурмлю седины, совершаю противоморщинный массаж лица. До вселения в номер прошу ко мне в кресло.

Насурмленный и с гладкой кожей лица, я возник перед администратором, ожидая, что уж она-то скажет о всяком отсутствии мест в гостинице. И она сказала:

— К сожалению, ваш «люкс» на третьем этаже. Также приносим извинения, что вид на главную площадь несколько сбоку.

От такого обихода я стал частично шалеть. А совсем добил меня «люкс». Он был устан туркменским ковром ве-

Рассказ

сенней расцветки, и мебель стояла тут не полированная, а бери выше — матированная и в бронзе.

— В отелях других городов, — сказала администратор, — принятие ванны вполне можно приравнять к принятию грязевой ванны. А у нас, поглядите, — все сияет от чистоты.

Подавленный былой отсталостью своих взглядов на гостиничный сервис, я прилег на бронзировавшую козетку. Однако вскоре меня подняли.

— Гость, — сказала администратор, входя, — обстоятельства сильнее нас, так что вы извините. Этот номер с начала июня забронирован для иностранных туристов. Вы скажете, что сейчас на дворе только март. Это верно, но все дело в том, что интуристы, гонимые кризисом и инфляцией, на два месяца вперед сдвинули сроки выезда к нам и сейчас спешно прибыли.

— Я знал, — сказал я в тоске, — что так гладко продолжаться мое проживание у вас не могло. Что ж, выброшусь на вокзальную скамью, как всегда.

— Ах, — сказала администратор, — какой вы благовоспитанный! Будь на вашем месте прожженный работник торговли, он бы просто так не ушел из этого «люкса». Но зачем эти речи о вокзальной скамье? Мы дадим вам другой номер, попроще.

Простота заключалась в подушке, набитой откровенно ватными клецками, раковине, засоренной ополосками чая, и втором зилье, судя по лаковым штиблетам, галстуку-бабочке и прикрывающей лицо книге — работнику культурного фронта.

Здесь я проспал до утра. Утром пришла администратор и сказала, стеснительно отвернув лицо:

— Прибывают мастера велосипеда, спортсмены.

Баходур ФАЙЗУЛЛОЕВ

Я — их косточка

Рассказ

Начальник разгладил складки на лбу и спросил тоном — без малого отчим:

— Когда вы закончили институт? — Десять лет назад, Шохин Факирович.

— Уже десять лет! Как время летит. Ведь это две пятилетки, или сорок кварталов! Мои девять поездок в Сочи, три выговора! А сколько свершилось в мире! Сын, начинавший сдавать экзамены в институтах Архангельска, в этом году будет пытаться попасть уже в институты Челябинска. А вы? Десять лет назад кончили институт, а потом сплошное топтание на месте. Почему вы до сих пор не кандидат или доктор?

— Но, Шохин Факирович, я не стоял на месте. Я по специальности в курсе всех мировых новинок, наяву и во сне выучил немецкий язык...

— Тогда, коли вы такой подкованный, уходите от нас в аспирантуру.

Станете светилом с течением времени, совершите в чем-нибудь переворот. Может быть, вашим именем назовут какой-нибудь газ.

— Но, — воспротивился я, — зачем же мне увольняться? Я, Шохин Факирович, поступлю, как вы велите, но в аспирантуру заочную. А если открою синдром или газ, то не подкачаю и назову вашим именем.

Начальнику это пришлось не по вкусу.

— Заочники — камень на шее отрасли. Каждый год вам дай два-три месяца отпуска. А план кто будет тянуть?

— Но очно я не смогу учиться! У меня семья, на мальчиках обувь просто горит! А план я обязуюсь тянуть. Я быстротечные проекты и смет освоил.

— Нет, — сказал начальник, помалу выходя из себя. — Вы засиделись, замшели. Самообразованием вам себя не встряхнуть. Я вас пошлю на долгосрочные курсы повышения квалификации.

— Всей душой рвусь туда, — сказал я, — но ведь место там занято вашим растущим племянником.

— Да, — просветлел начальник, — я забыл, что парень учится там. Сформируется большой руководи-

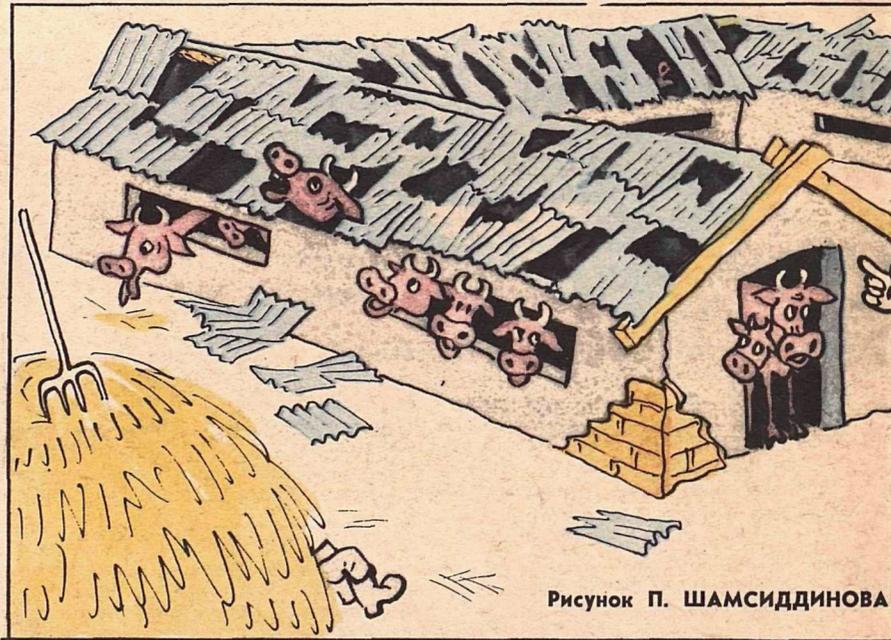

Рисунок П. ШАМСИДИНОВА

— Дыры на крыше! Так ведь это не птицеферма, коровы не

— Выкидываться? — разгадал я.

— Ах, — сказала администратор, — Какой вы покладистый! Наверно, кончили университет. Мы переселяем вас в третий номер — и с вашей стороны все еще такая покорность. Окажись на вашем месте изворотливый эстрадник-гастрольщик — он сразу выкинул бы какой-нибудь фортель, только бы остаться здесь.

Мой третий номер казался спешно переоборудованным из железнодорожного тупика. Страшно и косо на рыжей стене здесь висела табличка: «Самовольно вбивать гвозди в стены запрещено».

С пиджаком в руках, поскольку повесить его было некуда, я стоял посреди клетушки, когда, сотряса полчицы, вошел мой новый сосед, детина заплярного натиска и наружности.

— Собачья жизнь, — сказал он мне грубым басом. — При таком моем телосложении я всю одежду вынужден заказывать в индошиве, а уж командировки для меня — острый нож. Ведь кровать из дома за собой не погреть!

— Как же вы выходите из положе-

ния? — спросил я в нехорошем предчувствии.

— Проще пареной репы, — сказал он, играя кривошипам и шатунами рук. — Я две кровати во всяком номере сдвигаю в одну.

Спал я на подоконнике, пристегнувшись ремнем к оконному шпингалету. Утром меня отстегнула администратор.

— Гость, — сказала она, — теперь к нам едут артисты цирка. Вы перейдете на новое место. Окна, правда, смотрят во двор, но впоследствии там зацветут две розы. Вы неоценимый клиент!

И меня поселили в откровенной каптерке. Из окна здесь тянуло водным раствором хлора. Во дворе, где обещали были розы, что-то хмуро и спорно продавал землю кот.

Ночью быстро и пугающе булькал за перегородкой титан. Со сварливой суетой искали съестное мыши.

«Как сталось, — изнемогал я от мысли, — что за считанные часы я от «люкса» докатился до смрадной каптерки? Что это за интуристы, спортсмены, циркачи, которые потеснили меня, но которых не видно в гостинице?»

тель! Может быть, и меня за пояс заткнет. Нет, пишете все-таки заявление насчет аспирантуры. Мой племянник после курсов проявит большую самоотдачу, чем вы.

— Я не в силах писать заявление, — сказал я. — Против совести своей пойти не могу. Ведь ваш племянник, одолев курсы, будет вправе занять втрое более значимое место, чем мое незавидное.

— М-да, — сказал начальник. — Вы правы. Однако зять мой вернулся с семинара строителей, и его знания более прогрессивны, чем ваши. Так что все-таки освободите место.

— Но прежде чем сдать свой участок вашему зятю, разрешите мне вывести его в полностью передовые? Чтобы, если потом наметится сползание, было куда сползть.

— Дальновидно, — сказал начальник. — Даю две недели на вывод участка в передовые.

— Год, — сказал я.

— Год? Две недели или на стол заявление!

— Но даже ваш зять и даже под вашим неослабным руководством не справился бы тут за год! К тому же как раз через год второй ваш племянник кончает курсы прорабов... Молодой, ему как раз начинать с моей должности. Тогда как ваш зять в

е улетят...

Утром меня потрясли за плечо. — Эй, — сказала старушка уборщица. — Подымайсь, под тобой мои швабры лежат. Ты зачем в каптерке живешь? Администрации нахамил? — Как можно! — замахал я руками. — Я держался исключительно в рамках. И администрация в рамках. В первый раз про меня сказали — благовоспитанный, при втором переселении — покладистый, а когда переселяли сюда — назвали неоценимым клиентом. Вся беда в наплыве туристов, спортсменов и циркачей.

— Ясно, — сказала старушка, разминая швабру о прилодку. — Тебе, голубь, только на Марсе по «люксам» жить. Ты земного гостиничного эсперанто не знаешь. У нас, коль выселяют под причину спешного заезда туристов — надо жертвовать десятку в момент, и останешься в номере. А выселяют под спортсменов — пятерку. А если вроде из-за циркачей — гони трешку. А что благовоспитанным величали тебя, так на нашем языке это значит «балда». Покладистый — «тюхтя». А неоценимый клиент — «жмот» и «жлоб».

Сколько в мире маленьких тонкостей!

вас и умом и охватом. В моей должности он себя измельчит. Мы получим орла со стрекозиными крыльями. Это бросит тень на ваш род поголовных орлов.

— Грамотно, — сказал начальник, стал набирать телефонный номер, а мне сделал знак пальцем идти и кулаком — всемерно укреплять производство.

— Ну, — в приемной сказала мне секретарша, — под каким соусом вас выпирают? По собственному? В аспирантуру? На учебу до гробовой доски.

— Ха-ха! — рассмеялся я ей в лицо. — Многие в нашем ведомстве так простились со своими постами, но я то не промах. Я удержусь. Подхалимаж мой затмит непристроенность к месту любого балбеса из родни Шохина Факировича!

Али БОБОДЖАН

Однажды

НОЧЬЮ

Легенда

Один заведующий фермой Кебаб бараний так любил, Что не в последний раз, не в первый Барана жирного убил. Акт — терпеливая бумажка. И вскоре ревизор прочел, Что это волк убил барашка И что завфермой ни при чем. Шел ревизор, волков шельмуя. Тут ветер руку с гор простер И акта копию шальную Из папки вынес на простор... А гость с хозяином уселся. Тепло... Жаровня не коптит... Кебаб из печени и сердца Будил в них волчий аппетит. Среди пиршественных причиндалов Вздымались пиалы, звеня... А на просторе акт читала Волкам очковая змея. Хозяин с гостем расстается. В полночный час сидит один... И слышит: скрежет раздается И вой нестройный: «Выходи!» Он стонет: «Охти мне и ахти! Разоблачен я, обречен... Зачем волков винил я в акте! И кто им этот акт прочел!» А стук сильнее, пляшут шторы. И вой страшней: «А ну-ка выдь!» Его во двор выводят, чтобы С волками жить, по-волчьи вить... И кто-то видел у дороги, Как, нарушая тишину, С четвероногими двуногий Выл в полный голос на луну... Назавтра же завфермой сняли. Мотив был ясен и толков, — Кто удивлялся — объясняли, Что этот пост не для волков.

Рисунок Г. ИСКАНДЕРА

И при этих словах распахнулась дверь кабинета, Шохин Факирович встал в проеме.

— Я вас поймал! — торжественно вымолвил он. — Я вскрыл при свидетелях ваше истинное лицо. И сейчас подхалимаж, эта язва учреждений, будет искоренен у нас напроочь. Подхалимам не место в нашей системе. Подхалимов мы от себя отрезаем приказом. Или лучше унесете ноги по собственному?

Так пришлось мне выдвориться в науку, где я оставил след, сжижив газ в предельно густую жижу.

И в своем ведомстве, представляющем теперь подлинно дружную и сплоченную семью, то и дело говорит обо мне Шохин Факирович:

— Наша косточка. У нас начинал. Мой воспитанник!

Бобо ХОДЖИ

Свита

Директор, всласть обмениваясь опытом, С собой всех подчиненных возит оптом.

Его в Сухуми винами поили, Устроили охоту на Памире, Дарили солнцем на бакинских пляжах...

А свита вокруг него повсюду пляшет. Все на местах: главбух — оруженосец, Зам — виночерпий, а завхоз — герольд.

Уж до чего профорг суров, занозист, И тот в стрелянных ходит, как герой.

А перед сном, когда займется дух От добрых вин и от козы ужаренной, Звенит танбур до часу или двух, И инженер танцует, как ужаленный... Директор в одиночку ни на шаг. Он не турист. Ему нельзя без свиты... Вдруг слышат: сам министр с ним на ножах!

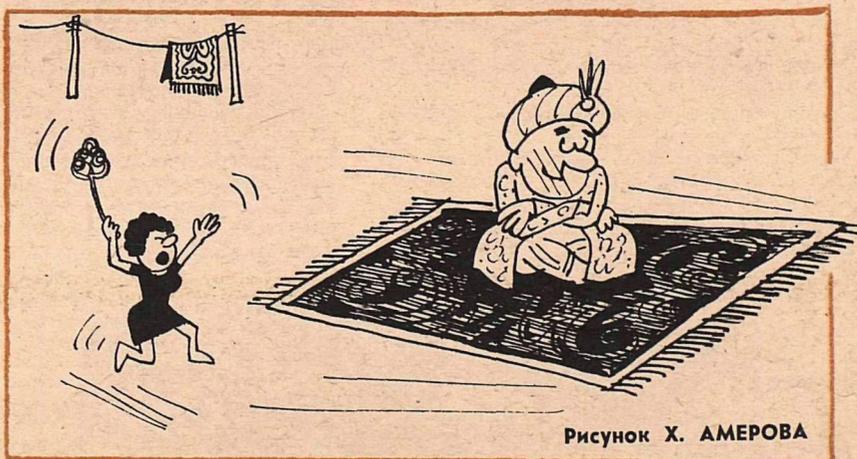

Рисунок Х. АМЕРОВА

Самад ГАНИ

Кое-что об Афанди

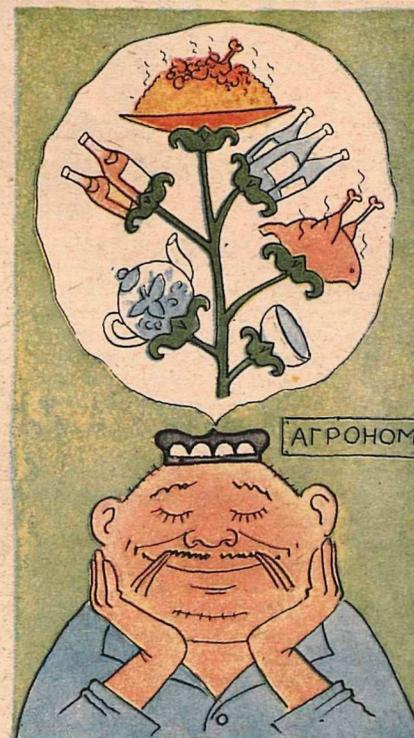
Хозяин дома в неприятном предчувствии спросил затесавшегося к нему во двор Афанди:

— Чаю выпьете?

— Сразу после обеда, — сказал Афанди.

Поскандалил с Афанди, жена его ушла к своему отцу. Вскоре она вернулась и попросила прощения.

— За то, что ты ушла к отцу, я тебя прощаю, — сказал Афанди, — а вот за то, что вернулась, — никогда не прощу!

МЕЧТА

Рисунок Х. РАСУЛОВА

Рокочет в трубке голос басовитый. Он жжет, как шмель, впивается, как овод,

Директорский расцвет вгоняя в старость:

«Вы так азартно передали опыт, Что у самих ни крошки не осталось!» Шумит проверка. Ищет: кто виновен. Директор! Деловитости феномен!.. И пишется приказ витиевато, Что в срыве плана свита виновата... Мрачнеет кабинет порою вечернею. Его хозяин, тороплив, жесток, Герольду, танбуристу, виночерпию Подписывает... обходной листок!

Обойдя вокруг спортивного руководителя города, Афанди сказал: — Это нежилосердно. Почему спортсмены сгоняют собственный вес только в него?

Афанди, повесившего на шею курицы табличку с надписью «Курица», спросили:

— Это зачем?

— Чтобы не было кривоногов, — ответил Афанди.

— Как найти коммунхоз? — спросили Афанди.

— Вот уляжется пыль — покажу, — ответил Афанди.

М. ВИЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

РАЗДЕТНЫЕ КАМНЕМ

В одном дворе в станице Эссентукской я видел кладбище великанов. Смешались в кучу, словно после бомбежки, потрескавшиеся исполинские руки, ноги, четвертинки торсов. На голове с отколотившимся носом покоился гигантский сапог. Женская голова, откатившаяся от туловища, уставилась слепыми облупленными зрачками в слезливое небо. Все серо, сиво, сыро...

Нетрудно было догадаться, что на земле валяются печальные останки какого-то многофигурного монумента. Но кто же и в какой жестокой сече сразил великанов?

Свидетельствую: все, кто имел касательство к уничтожению невинных изваяний, хотели как лучше. Но почему-то все эти милые люди чуточку недоглядели, малость недодумали, немножко поторопились, с кондачка подписали, на глазок прикинули, с кем надо не посоветовались... И вроде бы не роковые были промахи, а суммировались они, налипли одна на другую, и под их тяжестью рухнули два могучих скульптурных ансамбля.

А начиналось-то вроде со светлого порыва.

Пять лет назад в кабинет секретаря Предгорного райкома товарища А. П. Распопова вошел посланец Художественного фонда Грузинской ССР. Гость с порога напомнил, что грядут исторические даты, которые надо достойно отметить. По дороге к стулу он сообщил, что монументальная скульптура — это история, одетая камнем. А усевшись, принялся метать на стол из плоского чемоданчика «катташе-кей» эскизы грандиозных изваяний. Из сопроводительного дикторского текста явствовало, что мастера резца и киянки давно уже мечтали одеть в камень славную историю станиц Эссентукской и Суворовской, но, поскольку гранит, пожалуй, несколько дороговат, практичнее будет одеть историю в железобетон, что обойдется в каких-то сто тысяч рублей — сущий пустяк для такого процветающего района, как Предгорный.

Магическое сияние глаз гостя методом индукции вдохновило секретаря райкома, а от него находившегося тут же молодого, начинающего председателя райисполкома Николая Афанасьевича Лобунько.

— Где расписываться? — торопливо спросил Николай Афанасьевич.

— Здесь и здесь, — показал гость. — Поздравляю, отныне вы «гарант оплаты»!

И не знал, не ведал наш простодушный гарант, что, прикоснувшись пером к договору, он грубейшим образом превысил свои полномочия.

Николаю Афанасьевичу посоветоваться бы с компетентными людьми, — они бы ему, конечно,

подказали, что на воздвижение подобных дорогостоящих скульптурных ансамблей нужно получить «добро» по меньшей мере Управления культуры Ставропольского крайисполкома.

Но все это Лобунько узнал значительно позднее. А тогда, в кабинете секретаря райкома, раскудрявливая на юридических документах свои автографы, Николай Афанасьевич чувствовал себя богом Аполлоном, управляющим квадригой волшебных коней. Ну, пожалуй, как бога искусств, Лобунько себя несколько переоценил, а вот договорно-финансовую упряжь он действительно затянул здорово и хомут навесил угнетающий.

Вскоре в Эссентукскую прибыл новый секретарь райкома Борис Михайлович Володин. Стал он знакомиться с районными делами, наткнулся на договор с грузинским Худфондом и тихо ахнул. Потом подсчитал, что вдобавок к ста тысячам за изготовление монументов придется выложить еще столько же за их установку, и ахнул громко. Холодящая позвоночник истина открылась ему: не по станичному Сеньке эта сверхпышная скульптурная шапка, не по районному бюджету опрометчиво заказанные изваяния.

Бездну сил и выдумки употребил товарищ Володин, пытаясь вызволить район из каменных финансовых построений, но все впустую — «гарант оплаты» Лобунько засупонил крепенько!

Вот вроде бы нашел Борис Михайлович в позиции скульпторов маленькую зацепку.

— А они привязку к местности делали? — спросил он у Лобунько.

— Что? — не понял предрика.

— Ну, эти скульпторы ходили по станице, щурясь, глядели сквозь колечко из пальцев, одним словом, подбирали место для установки своих статуй?

— Нет, не было такого, чтоб ходили по станице и в колечко... Приезжал-то всего один человек. Как договор подписали, он шасть в машину — и привет...

— Прекрасно! За это и уцепимся. Отбивай телеграмму в Тбилиси: «Товар оплате не подлежит».

— Ясно, — послушно сказал Лобунько. И в одночасье бывший «гарант оплаты» обратился в злого неплательщика.

Предполагалось, что окаченный телеграфным ушатом холодной воды творческий пыл скульпторов благополучно угаснет. Произойшло же обратное: телеграмма сыграла роль бодрящего душа. Монументалисты резко взвинтили темп, проворно погрузили разобранные статуи в вагон и отправили заказчику.

И вот наступил всегда трепетный момент физического соприкосновения заказчика с материализованным заказом. Володин, Лобунько и сопровождавшие их лица заглянули в темную вагонную пасть. Там смутно белело нечто расчлененное и малопонятное. Кисло пахло непросохшим бетоном. Нужно было немедленно говорить что-то уничижительное, едко-критическое, чтобы поскорее сплавить нелюбый товар обратно, не уплатив. Но Борис Михайлович, видимо, волнуясь и торопясь, высказался как-то не особенно ловко:

— А это что, товарищи, за выпуклость под носом, вон у того? Ах, усы?... Что-то я не припоминаю, чтобы у «Мыслителя» работы Огюста Родена была под носом налеплена растительность. Нет, нет, платить не будем. Все. Пусть увозят обратно...

Да, надо со всей прямотой признать, что Руслан, ухватившись за бороду Черномора, добился большего, чем товарищ Володин, уцепившийся за лепные усы. Скульпторы и в ус не подули.

— Не вайте дурака и платите, согласно договору, за выполненную работу, — отрезали ваятели.

И ведь согласитесь, друг-читатель, — они тоже правы!

А чем платить-то? «История, одетая камнем — это хорошо, но мы не можем ходить, раздетые камнем», — горестно мыслили исполкомовцы. И в отчаянной попытке уйти от расплаты предгорное руководство кликнуло на помощь лучших краевых экспертов. Лучшие краевые не оплошали: они со всех сторон осмотрели лежащую на земле бесформенную железобетонную расчлененку и высказались категорически:

«АБСОЛЮТНО НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ СКУЛЬПТУРНОЙ РАБОТЫ, ВЕДУЩЕЙ К ДИСКРЕДИТАЦИИ ИДЕИ».

Тогда грузинский Худфонд кликнул на помощь самого товарища А. А. Гравеса, главного эксперта Художественного фонда СССР, и тот отчеканил так:

«ЗНАЧИТЕЛЬНО НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ, ПОЛНОСТЬЮ ОТВЕЧАЮЩЕЕ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИМ ТРЕБОВАНИЯМ. ОСОБЕННО ИНТЕРЕСНО ПЛАСТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ РЕЛЬЕФА».

Итак, боевая эстетическая ничья!

Подобьем бабки. Чему же равна сумма промахов?

Она равна двум пухлым папкам с иском Худфонда ГССР к Предгорному райисполкому. Который год как в госарбитраже желтеют эти папки — ответчик скрипит зубами, но не платит.

Она равна двум кучам облупленных железобетонных обломков, валяющихся в станицах Эссентукской и Суворовской и теряющих последние остатки товарной и художественной ценности. Но есть и более печальный итог.

Нерасчетливые порывы, некомпетентность, вкусовщина, непоследовательность — все это наложило одно на другое и в сумме обернулось пренебрежением к работникам искусства, к их труду, а главное, к той самой героической истории, которую так неуклюже «запечатлели» руководители Предгорного района. Вместо дела вышла bestолковщина, сапоги всмятку, голова с откатом, бессмысленное бетонное крошево.

Нехорошо получилось...

Ставропольский край.

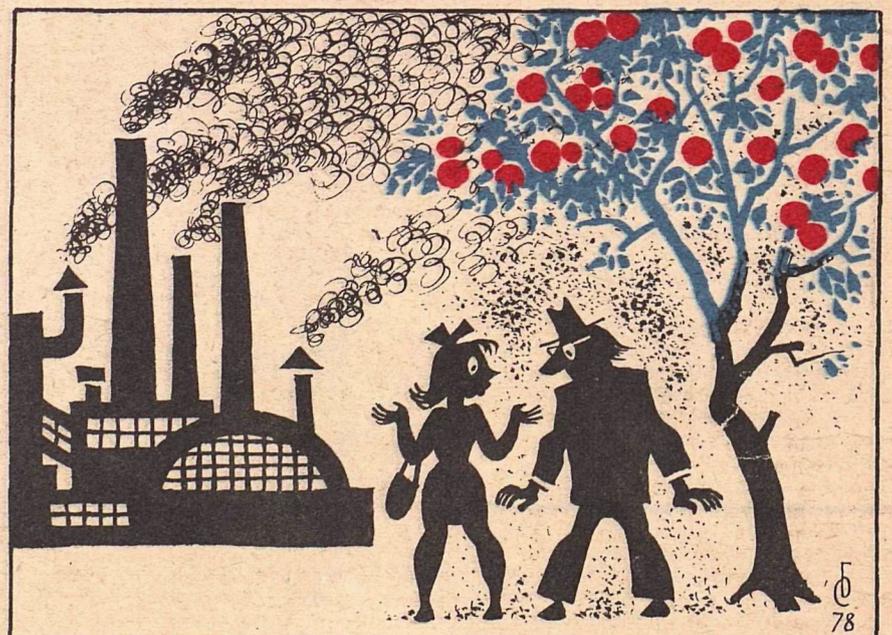

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Полиция принимает экзамен

В столице ЮАР сенсация. Объявлено об открытии в 1980 году новой оперы. Как будто ничего особенного — мало ли в мире театров. Сенсация таится в другом: из величайшей милости власти решили сделать исключение из правил, и некоторым «небелым» после специального собеседования в полицейском участке будут выдаваться разрешения на посещение театра.

Нетрудно представить, что это будет за беседа.

— Тебе чего, черномазый? — поигрывая дубинкой, обращается Билл, полицейский одного из участков Претории, к вошедшему сюда негритянскому парню.

— Я хотел бы получить разрешение послушать оперу «Отелло», — робея, попросил юноша.

— Что? — взр е в е л страж порядка, и рука его инстинктивно сжала резиновую дубинку, да вовремя вспомнилась последняя инструкция, где рекомендовалось в подобных случаях проводить собеседование, а не допрос третьей степени.

— Скажи-ка, кто такой Отелло? — начал экзамен полицейский.

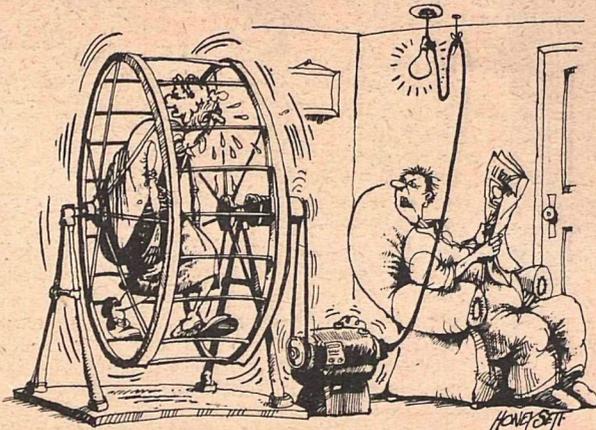
— Герой пьесы Шекспира, негр, или, как его называют, мавр, который...

— Вон отсюда, невежда! — заорал на него полицейский. — Я сам был на спектакле и собственными глазами видел, что Отелло — белый, как я! — Он схватил юношу за шиворот и вышвырнул на улицу.

Самое любопытное, что в данном случае прав был полицейский. Наша газета уже писала (см. № 9), что на сцене оперного театра в Претории роль Отелло исполняет белый. И откуда мог знать негритянский юноша, что даже в искусство расисты вносят свои поправки?

Как тут не посочувствовать главному администратору провинции Трансвааль г-ну ван Нейкерку, который жаловался корреспонденту ЮПИ на «неумение чернокожих понимать искусство, которое доставляет удовольствие белым»?.. Очевидно, под «удовольствием» сей господин подразумевал удовольствие видеть как на сцене, так и в зале исключительно белых.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

— Покрути еще, хочу дочитать газету.

«Панч», Англия.

Опять не повезло...

Пять лет отсидел Том Беркли в тюрьме после неудачного ограбления продовольственной лавки. Следователь вывел его тогда на чистую воду с помощью «детектора лжи». Этот проклятый серый ящик с хромированной надписью на боку «Зонн корпорейшн», соединенный проводочками с запястьем Тома, запомнился ему на всю жизнь...

Теперь, выйдя на свободу, Том решил начать честную трудовую жизнь. На бирже труда ему дали адрес одной конторы, где, сказали ему, нужны трудолюбивые и лояльные сантехники.

В помещении, где проводилось собеседование, Беркли ворвался первым и... ослобенел от удивления. На столе стоял до ужаса знакомый серый ящик, зло поблескиваю-

щий буквами: «Зонн корпорейшн».

— Где я? — беспокойно засуетился Том.

— Вы в отделе кадров нашего учреждения, — ответил какой-то сотрудник в белом калате и ловкэ приладил проводочки к запястью претендента на должность сантехника. А на голову бывшего грабителя посыпались вопросы: не сотрудничает ли он с коммунистами, не является ли профсоюзным активистом, не имеет ли тягелобольных родственников, не часто ли мается желудком?

— Нет, — не моргнув глазом соврал он, хотя колки в желудке донимали его частенько, и тут же понял, что попался, потому что стрелка индикатора резко отклонилась вправо.

На работу его не взяли. Кому нужен работник со слабым здоровьем?

Да, если бы Том хоть иногда читал американские

«Адольфы» плывут за океан

Зубрам нью-йоркской портовой таможни давно надоело вскрывать коробки с этикеткой «Я люблю Адольфа». Но как-то раз не в меру ретивый новичок приоткрыл одну коробку и увидел там бустик противного типа с крысиными усиками и косой прядкой на лбу. Начинаящий таможеник разволновался, но зубры его урезонили:

— Ну, что ты беспокоишься! Видишь адреса отправителей — Гамбург, Бремен, Мюнхен, Эссен? Это же от наших союзников, так что уймись!

Как выяснилось, отправляют эти посылки западногерманские неофашисты. Газетенка «НДП-Курир» захлеб повествует, что мо-

лодые нацисты ФРГ послали своим молодым друзьям в США уже около пяти тысяч скульптур «великого германского наци» — Гитлера. «Эти подарки, — рекламирует газетка, — вы можете купить для своих американских приятелей в магазине национал-демократической партии, находящемся в Ганновере».

И покупают, и посылают.

Некоторые восторженные отправительницы чмокают «на дорожку» Адольфов в лоб и под красным отпечатком приписывают: «Поцелуй от Эльзы».

И без того сильно загрязнен Мировой океан, а теперь еще течет через него нацистская отрава...

«Кьянти» против «кьянти»

Италия славится многим. В том числе итальянскими винами. Герои Хемингуэя, например, любили пропустить перед обедом стаканчик другой знаменитого «кьянти».

Итальянское вино популярно у американцев. В 1975 году они выпили его на круглую сумму почти в сорок пять миллионов долларов.

И вдруг с недавнего времени спрос на «кьянти» на американском рынке стал катастрофически падать. «Что случилось?» — пришли в смятение виноделы Тосканы — родины «кьянти», когда экспорт их продукции сократился больше чем на треть. За океан был послан свой человек с заданием разобраться в катастрофе. И тут выяснилось, что одна из калифорнийских винодельческих фирм стала выпускать свое... «кьянти»! Правда, на этикетке мелкими буквами было добавлено слово «калифорнийское». Конечно, букет у самозванцев был поживе да и вкус не тот. Но ведь, честно говоря, знатоков не так уж много. А знаменитое название известно всем.

— Ваше здоровье, коллеги! Чао! — ухмыляется теперь дядя Сэм, поднимая бокал с американизированным напитком.

газеты, он знал бы, что услугами «детектора лжи» стали пользоваться не только следственные органы для разоблачения преступников, но и многие предприниматели для проверки своих сотрудников и особенно тех, кто хочет поступить к ним на работу. Узнал бы он и то, что

спрос на эту продукцию фирмы «Зонн корпорейшн» постоянно растет, фирма процветает, а посему и объем ее продукции увеличивается ежегодно на 15 процентов. А узнав, возможно, смог бы более тщательно подготовиться к встрече со старым знакомым.

Средь бела дня

Бывают злчные местечки, бывают и злчные города. Лас-Вегас, например, в Америке — столица игорных домов и притонов. По статистике, сюда за год приезжают пятнадцать миллионов искателей легкой наживы. Они искренне убеждены, что охотятся за чужими деньгами, на самом же деле настоящая и притом весьма успешная охота идет за их собственными долларами. В темных аллеях шныряют «нормальные» двурукие и двуногие бандиты, но куда страшнее «бандиты однорукие» — как называют игральные автоматы (см. фото).

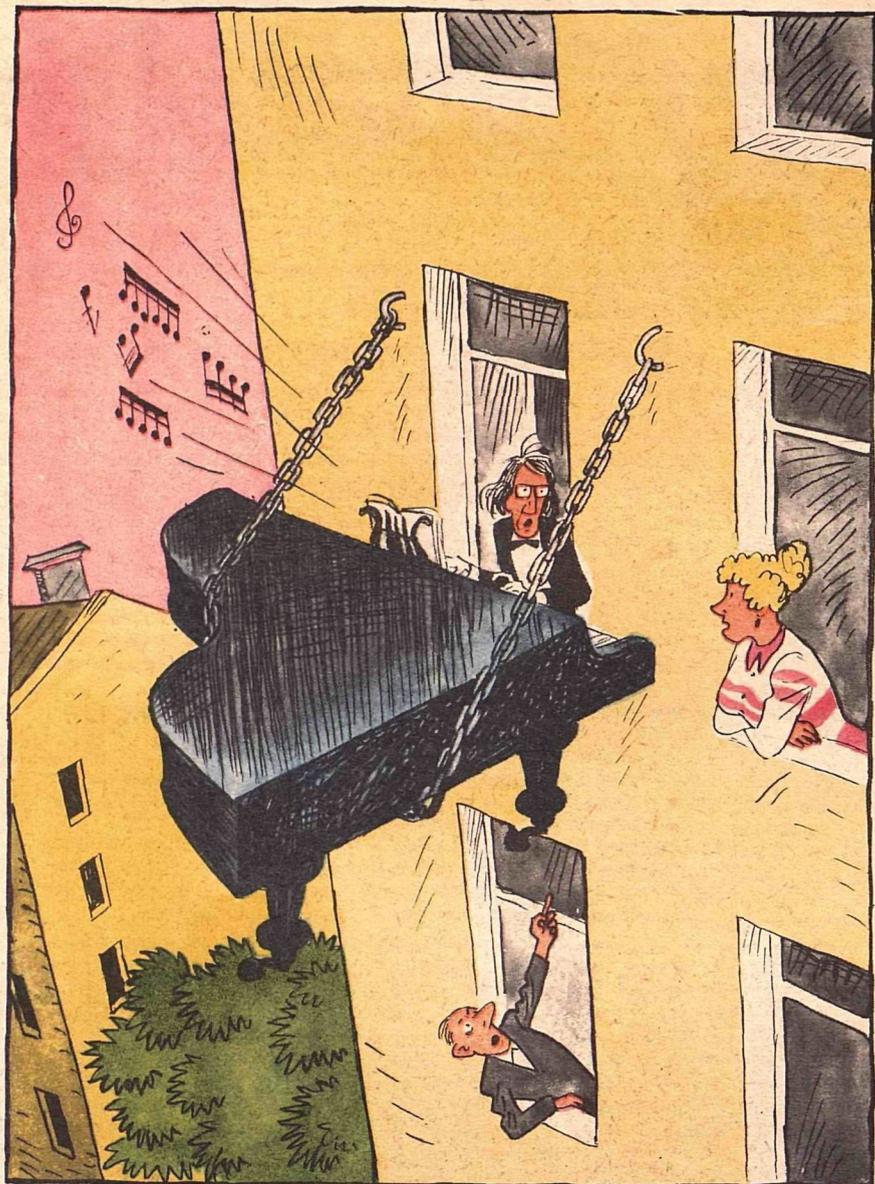
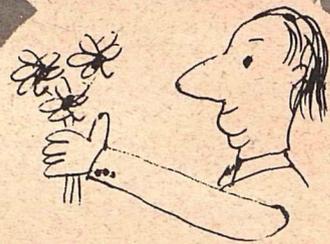
Красочно сработанные, они подстерегают ловца фортуны на каждом шагу: на улчцах и в вестибюлях отеля, даже в гостиничных ваннах и туалетах, в любом магазине, в кинотеатре, в салонах красоты, в входах в церковь, на почте,

у телефонных будок, в аптеке. В этом небольшом городе их почти двадцать тысяч. Они смотрят темными, тусклыми, неподвижными глазами на желающего попытаться счастья. Но стоит игроку опустить через прорезь в чрево автомата жетон и дернуть за рычаг «руку», как у автомата глаза начинают светиться, причем, как правило, красным светом, когда приезжий проигрывает, и весьма редко — голубым, когда игроку посчастливилось.

В свою контору или цех приезжий возвращается с пустыми карманами и тоской в сердце. А у владельцев игорных домов душа поет: расходов у них немного, знай только заманяй красные лампочки в глазах «бандитов», часто перегорающие от учащенного мигания.

ПРИВЕТ ОТ ЭРИКА

В Варшаву пришла весна — дружески пригревало солнышко, деревья и кусты окутал нежно-зеленый флер молодой листвы, интимно ворковали голуби. В редакцию сатирического журнала «Шпильки», которая, очевидно, как и должно, находится в самом центре польской столицы, группами и в одиночку тянулись варшавяне. Лица их выражали неподдельный интерес. И это не удивительно. В «Шпильках» проводилась ретроспективная выставка работ известного далеко за пределами народной Польши художника-карикатуриста Эрика Липинского.

Ваш корреспондент тоже с большим удовольствием осмотрел ее, а свое впечатление выразил емким русским словом: «Здорово!» — и от имени «Крокодила» крепко пожал руку художнику.

В ответ на это Эрик Липинский охотно согласился дать интервью вашему корреспонденту. Итак...

Эрик Липинский родился 12 июля 1908 года в Кракове. Его отец — польский революционер — был лично знаком с В. И. Лениным, и это сыграло большую роль в его жизни. С 1910 по 1921 год семья Липинских жила в Москве. После революции старший Липинский по рекомендации В. И. Ленина работал в народном комиссариате по делам национальностей. В 1921 году семья вернулась в Польшу.

Э. Липинский в 1935 году окончил академию искусств в Варшаве, а еще раньше, в 1934 году, вступил в комсомол. Во время войны был арестован фашистами и брошен в Освенцим. С 1945 года член коммунистической партии. Был корреспондентом на Нюрнбергском процессе. За пятьдесят лет творческой работы нарисовал бесчисленное количество карикатур, написал массу статей, оформил десятки книг. Эрик — известный журналист и писатель, автор многих книг, в том числе монографии «История польской карикатуры», один из основателей «Шпилек».

Ни дня, ни часа художник не сидит без дела, пассивно созерцая мир. Он постоянно в контакте с ним — в творческом, деловом, дружеском.

— А чем вы сейчас заняты? — спросил ваш корреспондент.

— Делаю альбом «Варшава в карикатурах». В нем будет примерно 450 карикатур, начиная с конца XVIII века, сгруппированных по разделам «Транспорт», «Моды» и т. п. Например, в начале прошлого века в карикатурах отмечалось, что экипажи занимают слишком много места, что лошади слишком быстро бегут, что скоро не будет места для пешеходов. Излюбленной темой также были жалобы посетителей ресторанов на медленное обслуживание. Как видите, все повторяется...

Кроме того, сейчас я собираю вместе с профессором Гербертом Зандбергом из ГДР антологию лучших карикатур социалистических стран. Но самое, пожалуй, дорогое для меня дело — это создание в Варшаве музея карикатуры. (Не правда ли, пример, достойный подражания!) Нам уже выделили для этой цели симпатичный домик XVIII века. Основой музейной экспозиции станет коллекция карикатур, которые я собираю много лет.

— Как, по-вашему, наблюдается ли эволюция в юморе?

— Конечно. Так же, как и все другое в жизни, меняется и юмор. Многие старые рисунки сейчас кажутся наивными. Раньше карикатуры были только с подписями. Нередко они служили иллюстрацией к теме. Сейчас все чаще рисунок дается без подписи, говорит сам за себя.

— А меняется ли восприятие юмора?

— Оно, увы, остается неизменным — все еще мало людей обладают чувством юмора на свой личный счет. Особенно грустно, когда этого ценного качества подчас не хватает руководителям отдельных учреждений.

На прощание Эрик Липинский нарисовал в блокноте корреспондента автошарж, который воспроизведен в заголовке, и написал: «Сердечный привет читателям «Крокодила» от читателя «Крокодила».

В свою очередь, «Крокодил» душевно поздравляет польского мастера и своего давнего друга с 70-летием со дня рождения и желает успешно одолеть еще много крутых ступеней жизни.

— А что делать, если ни в двери, ни в окна не пролезает?

Рисунок
Е. ВЕДЕРНИКОВА

— А почему вместо фотографии — словесный портрет?
— Так он у нас только числится!

Рисунок
Б. САВКОВА

Г. МАРЧИК.

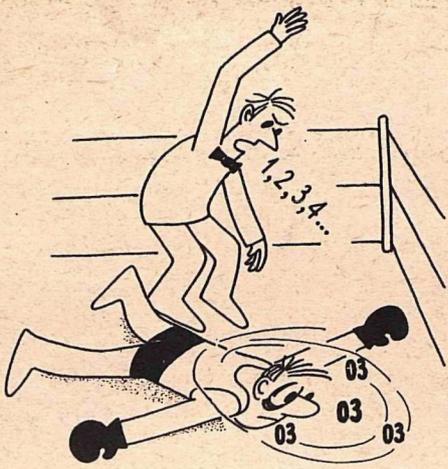

Рисунок В. ВЛАДОВА

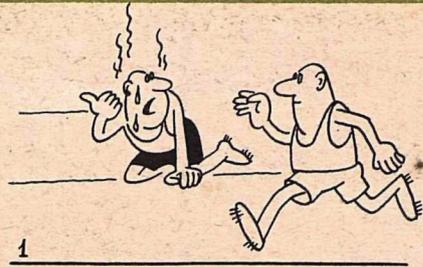

Рисунок В. СПЕЛЬНИКОВА,
г. Рязань

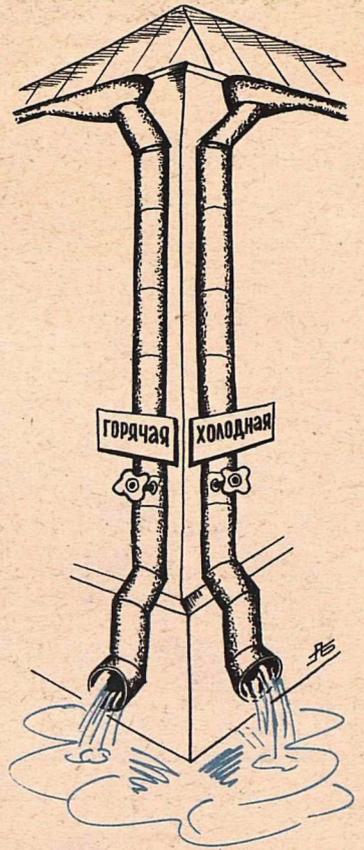

Рисунок А. БАВЫКИНА,
г. Мончегорск

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Это ты все настаивала,
чтобы купить «Запорожец»!

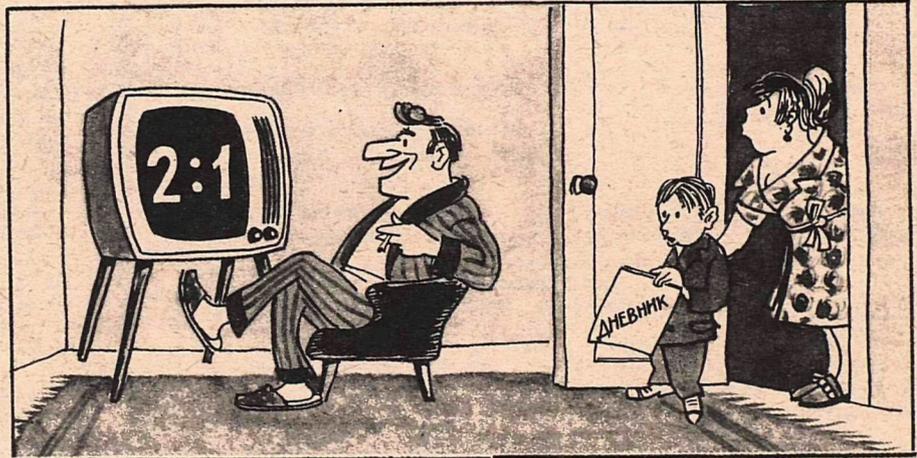
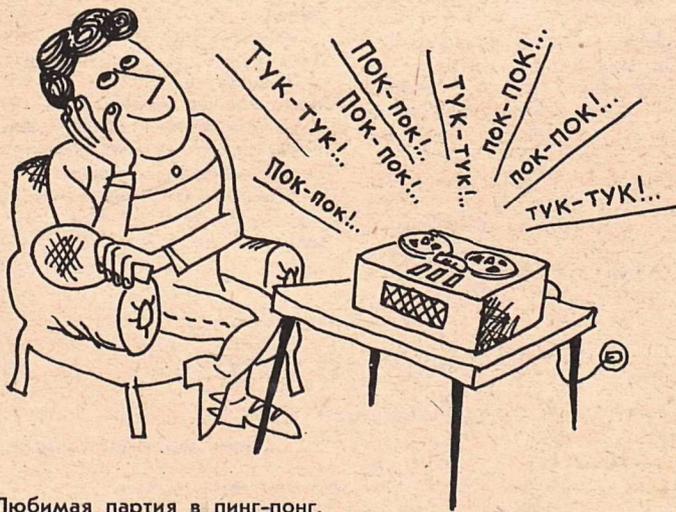

Рисунок Н. ЕЛИНА

— Вот теперь иди...

Любимая партия в пинг-понг.

КОНКУРС ДЕМ
ПОМОЩЬ ХУДОЖНИКУ

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА
по теме А. НАУМЧУКА,
Московская обл.

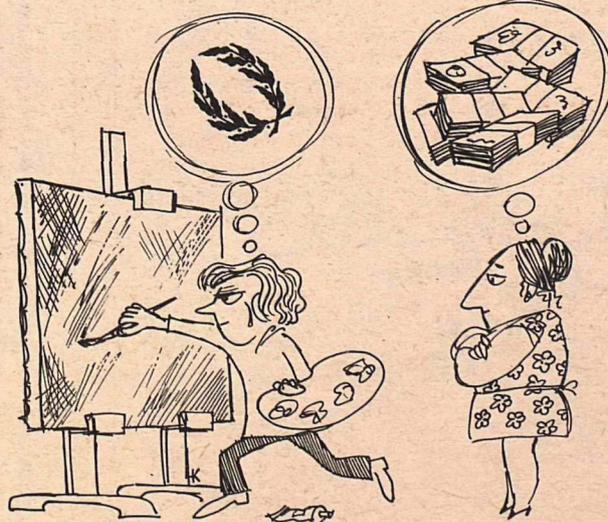
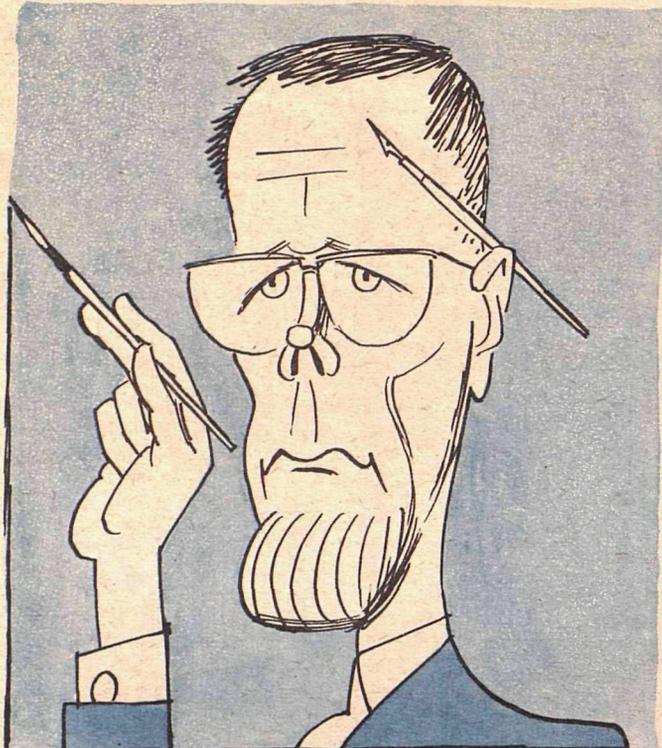
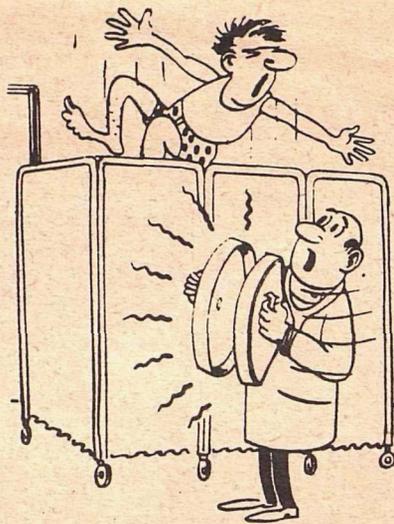

Рисунок
Н. КАПУСТЫ,
г. Донецк

Георгий Оскарович ВАЛЬК
(К 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Как я и предполагал, у вас не в порядке нервы!
«Шуркуа па?», Бельгия.

— У меня жена знает свое место!
«Иси Пари», Франция.

улыбки разных

нарочно **НЕ** придумаешь

«Жильцы, которые гудят в трубах и не могут сами, вызывают водопроводчика».

[Объявление].

Прислала З. Семенова, г. Москва.

«Жене и мужу мыться в бане категорически запрещается».

[Из объявления в бане].

Прислал А. Багно, г. Карши.

«Так как сварщик Ефремов Н. И. к работе относится недобросовестно, совершает прогулы и пьет в рабочее время, прошу уволить его по собственному желанию».

[Из докладной начальника цеха].

Прислал Н. Гордиенко, Волгоградская область.

«Торг вручит передовому коллективу памятный вымпел и денежную премию в сумме пятьдесят рублей на вечное хранение».

[Из выступления].

Прислала В. Голубятникова, г. Кашин.

«В связи с бешенством собаки застрелили из ружья сторожа».

[Из книги приема и сдачи смен сторожами].

Прислал Г. Халепа, г. Рудный.

«Вешало гардеробное для посетителей В-1 — 7 шт. 840 руб.»

[Из сметы].

Прислал В. Тарников, г. Москва.

Прислал А. Язынин, г. Тула.

Феликс ДЕРЕЦКИЙ (Польша)

Визит

Он уселся передо мной и вонзил в меня нахмуренный взгляд. Лацканы его пиджака были усеяны какими-то значками.

— Знаете, кто я? — спросил он меня драматическим шепотом.

— Нет, — чистосердечно признался я.

— Я заслуженный пчеловод.

— Да? — вежливо удивился я.

— В своих ульях я ввел ряд новшеств, которые позволили существенно увеличить количество собираемого меда. За это я получил наивысшее отличие общества пчеловодов — «золотые соты».

— Сердечно поздравляю.

— Минутку, — сказал посетитель, — это еще не все. Несколько дней назад председатель общества садоводов-любителей вручил мне почетный знак «За заслуги в борьбе с гусеницами-капустницами».

— Простите, но у меня сейчас совершенно нет времени... — развел я руками.

— Вы должны меня выслушать, — начал сердиться посетитель. — Вы должны убедиться, кто я такой! В прошлом году я организовал каток для детей всего нашего квартала. Сам поливал его водой.

— Должно быть, дети были очень рады.

— Не совсем, потому что вода не замерзла.

— Так зачем вам было поливать?

— А как же сделать каток? Моя инициатива была одобрена. Пожалуйста, взгляните, вот у меня похвальная грамота от соответствующего учреждения.

— Прекрасно, но... — начал я фразу, но он перебил меня:

— Я являюсь еще автором и исполнителем любительского спектакля. Пьеса называется «Если бы козочка не скакала, то и ручку бы себе не сломала». Огромный успех!

— Как это «ручку»? Наверное, «ножку»?

— Как раз ручку! Именно это и было сюрпризом. Героиня моей пьесы — женщина по фамилии пани Козочкова...

— Помилуйте, — простонал я.

— Меня знает и уважает весь город! Вы, надеюсь, это поняли? А тут вчера в вашей газете появилась критическая заметка об одном гражданине, который якобы переходил улицу в якобы непопущенном месте. Пришел же я потому, что речь в ней идет обо мне! Да, я действительно вынужден был нарушить правила уличного движения. Но почему, я вас спрашиваю? Да потому, что как раз в этот момент я заметил бабочку-капустницу и...

— Я не по...

— Возмутительно так оплевывать в прессе заслуженных людей! Сейчас я вам покажу кое-что еще. У меня тут письменная благодарность за содержание в порядке мест общего пользования, похвальные грамоты за третий и четвертый классы, хотя вы сами прекрасно понимаете, что это самые трудные классы...

Я открыл окно, выглянул вниз с высоты второго этажа и легко оттолкнулся от подоконника.

Перевел В. РОЩАХОВСКИЙ.

Слова, слова...

Телевидение — жевательная резинка для глаз.

Современная американская поговорка.

Отказался от крыльев, боясь, что заставят нести яйца.

Из объяснительной записки двоюродного брата Икара.

В жизни, как в театре, самыми требовательными оказываются те, кто не заплатил за место.

Саша Гитри, французский писатель.

В каждой шутке есть доля шутки.

Юмор ацтеков.

— Боже мой, я никогда не видела фрау Гюфмайстер такой бледной! Что-нибудь случилось!

— Да, она попала под дождь без зонтика.

— Я сейчас принимаю курс лечения отдыхом.

— В чем он заключается!

— Я каждый день прихожу в поликлинику и сижу три часа в очереди перед кабинетом врача!

— Кем собирается стать твой сын, Луиджи!

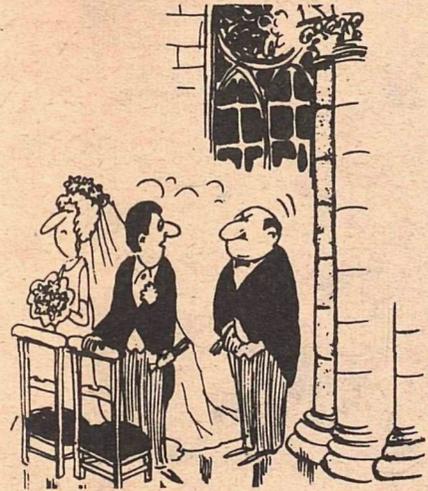
— Он твердо решил разбогатеть и уже начал смотреть на меня, как на бедного родственника.

Покупатель — оскорбившему его продавцу:

— Возьмите свои слова обратно!

— Простите, сеньор, в нашем магазине ничего не принимают обратно. Мы можем лишь обменять на равноценный товар.

широт

— Надеюсь, вы не забыли об обещанном приданом?

«Джорни», Италия.

ОБВИНЯЕМЫЙ. Бог свидетель, что я не виновен.

СУДЬЯ. Вы поздно об этом сказали. Все свидетели уже вызваны.

На франко-испанской границе в купе вагона входит таможенник.

— Коньяк! Табак! Наркотики! — спрашивает он.

— Чашечку кофе, пожалуйста, — отвечает пассажир.

Пожилой чиновник учит молодого:

— Зря вы волнуетесь по любому поводу. Главное, сеньор Рамирес, помнить, что девяносто процентов всех вопросов разрешаются сами собой, а остальные просто неразрешимы!

— Боже мой, я не могу больше выдержать! — жалуется мать своему четырехлетнему сыну. — Твой братик плачет целыми днями! Я просто не знаю, что делать!

— Как, мама, разве вместе с ним ты не получила инструкцию по обращению с ним!

Родика ТОТТ (Румыния)

Троллейбус «желание»

Троллейбус в час «пик». Давка, ругань. Я стою, прижатая к спинке сиденья, занятого розовощеким молодым человеком, читающим книгу. На обложке портрет английского поэта Шелли. Того самого, который сказал, что мужчина не может быть свободным до тех пор, пока женщина остается его рабыней. Я вспоминаю эту фразу и улыбаюсь. С портрета мне улыбается и Шелли. Сквозь монотонные пререкания пассажиров слышу шепот поэта: «Вы проклинаете свою судьбу, сударыня? Не впадайте в отчаяние. Может быть, вы хотите посмотреть, что способна вытерпеть женщина? Поверьте, это вовсе не трудно...»

Не успела я кивнуть портрету, как троллейбус исчез вместе с ругающимися пассажирами, давкой и спокойно читающим молодым человеком. Я на рынке. Судя по тому, что я сижу на цепи, похоже, что на невольничьем. Прикидываю, оглядываюсь. Наверное, средние века. А может, еще раньше. Какой-то восток. Мой хозяин договаривается с коллегой, а может, и покупателем.

— Тошная-то какая...

«Боже, неужели же это обо мне?» — с трудом сдерживаюсь, чтобы не заплакать.

— Так я и прошу за нее недорого. Всего одну козу.

Мне уже не хочется плакать. Меня распирает сарказм. Мне хочется поправить цепь, встать и сказать:

— Господа, согласитесь, это просто смехотворная цена. Как-никак, я все-таки член Союза писателей. Прошу оценить меня квалифицированнее...

Наверное, на лице моем появилось нечто, что не понравилось хозяину, потому что он задумчиво вздохнул и лениво достал плетль. Мой монолог остался внутренним.

Не успела я подумать о своей невольничьей судьбе, как оказалась уже в Древнем Риме. Если не ошибаюсь, на Форуме. Передо мной некто, очень похожий на Цезаря. Рассматривает меня. Скажите, пожалуйста, древний римлянин, а умеет ценить женскую красоту. Это тебе не невольничий рынок.

— Что это у тебя на шее? — спрашивает Цезарь.

— Кулон. Из художественного салона.

— А на пальце?

— Перстень. Оттуда же. Они сейчас очень модны.

— Замужем?

— Нет.

— Сорок пять исполнилось?

— Простите, не понимаю вопроса.

— Так знай же, что по римским законам незамужним женщинам запрещено до этого возраста носить украшения. Эй, кто там, напоите-ка даму ядом!

Мне подносят кубок к губам. Прощай, молодость! Ну, положим, не совсем молодость, но все-таки умирать не хочется. Но надо. Порядок есть порядок. Делаю глоток... и оказываюсь на ветке дерева. Господи, час от часу не легче. Внизу скачут голые мужчины, потрясая копиями. На соседнем дереве замечаю незнакомую даму.

— Простите, — говорю я ей на чистом румынском языке, — не скажете ли, как называются эти гостеприимные места?

— Мы с вами, мадам, на острове Сулавеси, среди племени тораджей.

— А почему нам не позволяют сойти?

— Такова традиция. Мы не можем считаться женщинами комильфо, пока у нас целы передние два зуба. Попытайтесь как-нибудь вырвать их сами, а то тут принято использовать для этого копье...

Падаю от ужаса с дерева и оказываюсь в Амстердаме. Год явно 1556-й. Парочка несимпатичных иезуитов деловито укладывают дрова в большой костер. Спрашиваю клерикалов:

— Простите, это для кого?

— Для тебя, ведьма. Ты обвинена в колдовстве. Ты слишком худа, а это значит, что ты можешь вылететь на помеле через трубу.

Не смейте разжигать огонь, хочу крикнуть я. У меня аллергия. Сейчас я покажу вам справку из больницы. Но клерикалы уже тащат меня к столбу.

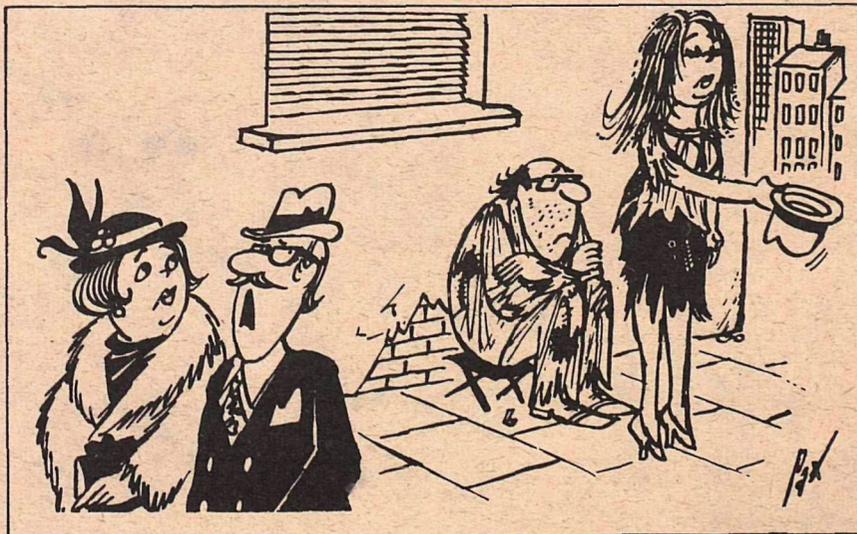
— О-о-о, — начинаю стенать я, и молодой человек из троллейбуса откладывает томик Шелли и спрашивает:

— Вы что-то сказали?

Боже мой, какое необыкновенное счастье ехать в переполненном бухарестском троллейбусе и смотреть на сидящего симпатичного молодого человека! Да это не просто троллейбус, это троллейбус «желание»!

— Нет, нет, — говорю я молодому человеку. — Мне ничего не нужно. Я просто застонала от избытка счастья...

Перевел Ю. ГЕРАСИН.

— Смотри-ка, владелец фирмы обанкротился, а секретарша все-таки осталась!

«Еж», Югославия.

КРОКОДИЛ

№ 17 (2243)

И Ю Н Ь

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Бавыкин, М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друман, Н. Елин, Н. Капуста, Н. Малов, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, В. Спельников, И. Сычев.

НАШ АДРЕС:

101455,

Москва, А-15, ГСП,

Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86

253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
[художественный редактор]
Г. О. МАРЧИК
[зам. главного редактора]
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
[ответственный секретарь]

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/V 1978 г.
А 01409. Подписано к печати
25/V 1978 г. Формат бу-
маги 70x108¹/₈. Усл. печ. л.
2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж
5 850 000 экз. (1-й завод:
1 — 3 645 500). Изд. № 1517.
Заказ № 2271.

© Издательство «Правда»,
«Крокодил». 1978 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина, 125865,
Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

8 ИЮН 1978

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬНЫЕ
1978 г.

29448

Цель так называемой амнистии, объявленной недавно военно-фашистским режимом Гитлера, — ввести в заблуждение мировую общественность, предстать перед ней в лучшем свете.

ПОПАЛИ ПОД АМНИСТИЮ...

Рисунок М. АБРАМОВА.

КРОКОДИЛ

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» Индекс 70448 Цена номера 20 коп.